

Свет всегда
казался безопасным.
Пока я не увидела тебя.

МЕЖДУ НЕБОМ И НАМИ

Скорость — единственное,
что делает тишину честной.

Ты — мой день.
Я — твоя ночь.

Со Юн

отличница.
Жизнь по плану.

А Чи

гонщик.
Правила существуют,
чтобы их нарушать.

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Два Кицунэ

18+

Диа Кицунэ

«М#жду н#δ#л # н#л#»

«Автор»

2026

Кицунэ Д.

«Между неδ#м и нами» / Д. Кицунэ — «Автор», 2026

Есть люди, которым с рождения принадлежит весь мир. И есть те, кому с самого начала не принадлежит ничего. Говорят, небо принадлежит каждому. Но одни рождаются слишком высоко, чтобы в него поверить. Другие — слишком низко, чтобы к нему стремиться. Когда дочь семьи чеболей встречает парня, привыкшего жить на грани, судьба уже начинает писать историю, в которой нет случайностей. Историю, где за каждой улыбкой скрывается ложь, за каждым выбором — жертва, а любовь приходит тогда, когда доверять становится опаснее всего. Кан Со Юн — наследница влиятельной семьи, чья жизнь расписана на годы вперёд. Идеальная дочь. Идеальная студентка. Идеальное будущее, в котором нет места собственным желаниям. А Чи — парень, выросший на окраине мира, где выживают только те, кто не боится скорости, боли и темноты. Его жизнь — это ночные дороги, риск и свобода, за которую приходится платить слишком высокую цену. И никто из них ещё не знает, что эта встреча не была случайной. Она была подготовлена...

© Кицунэ Д., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	14

Диа Кицунэ «М#жду н#д#м # н#м#»

Глава 1

Глава 1. «ТАМ, ГДЕ ВСЁ УЖЕ РЕШЕНО»

Город никогда не ошибается.

Он просто делает вид, что даёт людям выбор.

Высотные здания отражали вечернее небо так, будто пытались удержать его внутри стекла. Машины текли по дорогам ровно, предсказуемо, как будто даже движение здесь подчинялось корпоративному договору.

И если прислушаться, можно было услышать главное правило этого мира:

"ничего не должно выходить за рамки."

Она знала это с детства.

Не потому что кто-то ей это объяснил, а потому что в её жизни даже тишина была организованной.

Учёба в элитном университете.

Список достижений, который обновлялся быстрее, чем эмоции.

Разговоры, в которых каждое слово имело вес репутации.

И фамилия, которую произносили с паузой.

Не из уважения.

Из расчёта.

Моя семья была из тех, чьи имена не произносят громко.

Чеболи.

Люди, у которых деньги не считаются, а управляют.

И я была частью этой системы ещё до того, как научилась выбирать сама.

Я всегда выглядела так, как от меня ожидали.

Аккуратно собранные волосы, без единого выбившегося локона. Сдержанный взгляд, в котором не должно было быть лишних эмоций. Осанка — ровная настолько, что даже усталость не позволяла себе проявиться.

В университете меня часто называли “идеальной”.

Но никто не уточнял, что идеальность — это не качество.
Это форма существования.

Я учусь в одном из лучших университетов страны, на факультете международного бизнеса и финансов.

Это не мой выбор.

Это скорее маршрут, который проложили до того, как я научилась спорить.

Потому что однажды мне сказали:

“Ты должна понимать, чем владеешь.”

Здесь не учат мечтать. Здесь учат управлять теми, кто мечтает.

Я никогда не опаздываю.

И никогда не прихожу раньше.

Есть разница, которую мало кто понимает, но в моём мире даже время подчиняется правилам.

Опоздание — это слабость. Ранний приход — попытка выделиться.

Я всегда была лучшей во всём.

Не из-за таланта.

А потому что иначе нельзя.

Ошибка в моей жизни — это не случайность. Это событие, которое нельзя допустить.

Иногда я думаю, что усталость — это единственное честное чувство, которое у меня есть.

Библиотека стала моим привычным местом. Я остаюсь там до закрытия, пока свет не становится мягче мыслей, а буквы теряют смысл. Но я всё равно не ухожу первой.

И всё ради одного:

не разочаровать.

Сегодня я задержалась дольше обычного.

Но впервые не из-за дедлайнов.

А потому что просто не хотела идти домой.

Потому что мой дом — это не место, где тебя ждут. Это место, где тебя уже определили.

Когда я вышла из университета, воздух уже стал холоднее.

Университет постепенно пустел, превращаясь в аккуратную декорацию чужих амбиций.

Я поправила сумку на плече и пошла к выходу.

Шаги звучали слишком громко для места, где всегда учили быть незаметной.

Ночь всегда делала мир честнее, она не притворялась светлее, чем есть.

Я шла медленно.

Не потому что устала.

А потому что впервые день не тянул меня никуда.

Тогда я впервые почувствовала раздражение к собственному миру.

Не громкое.

Тихое.

Опасное.

И именно в этот момент город сделал ошибку.

Или сделал вид, что это ошибка.

В эту ночь я впервые увидела его.

Он появился не резко.

Не как вспышка.

Скорее, как что-то, что всегда было рядом, просто я не замечала.

Мотоцикл стоял у перекрёстка чуть в стороне от главной дороги.

Чёрный, массивный, с матовым блеском, будто впитывал свет, а не отражал его. Слишком живой для этого стерильного района.

На нём сидел парень в шлеме, который не пытался выглядеть эффектно.

Он вообще не пытался выглядеть.

Он сидел на нём так, будто дорога принадлежит ему.

Шлем скрывал лицо, но не скрывал ощущения.

Он не был частью этого места.

И это чувствовалось сразу.

Я должна была пройти мимо.

Я всегда прохожу мимо.

Так правильно.

Но в этот раз шаг замедлился сам.

Светофор мигнул.

Красный.

Жёлтый.

И воздух на секунду стал плотнее.

Я шла, не поднимая лишний раз взгляд.

Такие районы приучают не смотреть по сторонам, только вперёд.

Но сегодня взгляд всё же поднялся.

И этого оказалось достаточно.

Их столкновение не было драматичным.

Никакого “врезались”, никакого “она упала”.

Только случайность, которая потом почему-то не кажется случайностью.

Её папка с документами выскользнула из рук.

Бумаги разлетелись по асфальту, так будто у них тоже был шанс сбежать.

Он снял одну перчатку, наклонился и поднял несколько листов быстрее, чем она успела среагировать.

Движения были уверенные.

Привычные.

Как у человека, который чаще ловит хаос, чем вещи.

— Осторожнее, — сказал он.

Голос был спокойный.

Не грубый.

Но в нём было что-то... непривычное для этого места.

Слишком живое.

Она посмотрела на него впервые прямо.

И сразу же почувствовала странное несоответствие.

Он не вписывался.

Не в одежду.

Не в район.

Не в её мир.

— Спасибо, — сказала она коротко.

Так, как учили: без лишнего.

Без продолжения.

Он вернул ей документы, но не сразу отпустил.

Его взгляд задержался на обложке.

— Университет... — произнёс он.

Пауза.

Факультет.

Моё имя.

— Финансы. Зае - е - бок... — произнёс он тихо.

И в его голосе не было ни удивления, ни восхищения.

Только сухое понимание.

— Ну конечно. — съязвил он.

Голос был слишком уверенный.

Так говорят люди, которые не привыкли спрашивать разрешения у жизни.

— Ты учишься здесь? — спросил он, как будто специально.

Она кивнула.

Он чуть усмехнулся.

Не насмешливо.

Скорее... как человек, который знает, что такие места не про знания.

— Похоже, там любят идеальные вещи.

Она не ответила.

Но внутри что-то слегка сместилось.

— А ты? — спросила я неожиданно для самой себя и поняла, как глупо это прозвучало.

Он на секунду замолчал.

И это молчание было другим.

Не неловким.

А закрытым.

— Я здесь просто проезжал.

Ответ, который ничего не объясняет.

Но почему-то объясняет всё.

Он наконец посмотрел на меня прямо. И в этот момент стало ясно — он не просто смотрит. Он оценивает не внешность. А структуру.

— Бляя, ну ты выглядишь так, будто твою жизнь уже написали за тебя и ты просто следуешь строкам. Такие редко знают, что такое выбор. — сказал он спокойно.

Я должна была уйти.

Сразу.

Но почему-то осталась.

— А ты выглядишь так, будто у тебя его слишком много. — буркнула я быстрее, чем позволила себе подумать.

Он снова усмехнулся. Едва заметно. Не тепло. И не холодно.

Скорее как реакция человека, который давно перестал спорить с миром.

— У меня его нет, — сказал он.

Пауза.

— Я просто делаю вид, что он есть.

Где-то вдали послышался рев двигателя.

Слишком резкий для этой улицы.

Слишком свободный.

Он надел перчатку обратно.

И перед тем как развернуться к мотоциклу, сказал:

— Ты слишком правильно существуешь. Такие люди ломаются не сразу. Но всегда одинаково.

Я не ответила.

Потому что впервые не была уверена, что хочу спорить.

Он сел на мотоцикл.

Двигатель ожил резко.

Громко. Живо.

И он уехал, так же, как появился, не прощаясь.

А я осталась стоять.

Слишком долго для человека, который всегда знает, куда идти дальше.

И впервые за долгое время меня раздражало не то, что он сказал.

А то, что я запомнила его голос.

И это было хуже любой ошибки.

Конец главы 1.

Глава 2

Глава 2. «ЛЮДИ, КОТОРЫХ ЖДУТ ДОМА»

Ночь не принадлежала этому городу.

Она принадлежала тем, кто переставал бояться скорости.

На окраине старого района, где фонари горели через один, воздух вибрировал от ревущих двигателей. Асфальт здесь давно перестал быть дорогой — он стал ареной, где скорость заменяла разговоры, а риск считался валютой.

Голоса сливались в одно напряжённое ожидание.

...

— Три... — прозвучало где-то в темноте.

— Два...

— Один!

Рёв десятков двигателей одновременно разорвал тишину, будто само сердце города вдруг решило биться громче.

Мотоциклы сорвались с места.

Красные огни исчезли впереди длинной огненной линией, растворяясь в ночи.

Толпа за спиной взорвалась криками.

Ставки были сделаны.

Деньги уже нашли своих будущих хозяев.

Оставалось только выяснить, кто сегодня окажется быстрее собственной смерти.

Чёрный мотоцикл резко ушёл вперёд.

Он не вилял.

Не рисовался.

Не играл на публику.

Он просто ехал так, будто дорога заранее знала, кому должна уступить.

— Чёрт... А ЧИ опять впереди! — крикнул кто-то.

— Да он вообще человек?

— Нет...

Кто-то усмехнулся.

— Он просто сумасшедший.

...

Ветер бил в грудь, холодный и острый, но внутри было пусто и спокойно, как всегда в момент, когда деньги уже перестали быть целью и стали просто последствиями.

Финиш.

Резкий тормоз.

Свист.

Крики.

Запах жжёной резины ещё долго висел в воздухе.

А ЧИ спокойно снял шлем.

Чёрные волосы растрепались, несколько влажных прядей упали на лоб.

Очень светлая кожа резко контрастировала с ночной темнотой.

Высокий.

Широкие плечи.

Чёткая линия челюсти.

Холодный взгляд, от которого хотелось отвести глаза раньше, чем он посмотрит в ответ.

Пухлые губы, на которых почти никогда не задерживалась улыбка.

На левом плече из-под футболки выглядывала татуировка, уходящая к ключице.

Ещё одна тянулась вдоль предплечья.

Не вызывающе.

Будто всегда была частью него.

Красивый.

Но не та красота, которая успокаивает.

Скорее та, рядом с которой становится немного опасно дышать.

— Если однажды проиграешь, я ж, расплачусь, — раздался знакомый голос.

ПАК МИН ДЖЭ.

Единственный человек, который разговаривал с А ЧИ так, будто не замечал его ледяного взгляда.

МИН ДЖЭ подошёл ближе, забрал у организатора толстую пачку купюр и сунул её другу.

— Держи, мистер "я опять испортил всем вечер".

А ЧИ пересчитал деньги одним взглядом.

— Мало.

— Конечно мало! Ты же опять отказался участвовать в двух заездах.

— Да пох.

МИН ДЖЭ закатил глаза.

— Вот это меня в тебе и бесит.
Ты вообще умеешь хотеть что-то для себя?

А ЧИ молча убрал деньги во внутренний карман куртки.

— Уже хочу.

— Что?

— Спать.

МИН ДЖЭ громко рассмеялся.

— Нет, серьёзно. Когда-нибудь ты точно разбогатеешь.

И надеюсь, первым делом купишь новый холодос.

А ЧИ даже не посмотрел на него.

— Старый ещё работает.

МИН ДЖЭ фыркнул.

— Ха, да он работает только потому, что боится твоей бабушки.

На этот раз уголок губ А ЧИ едва заметно дрогнул.

Это была настолько редкая улыбка, что МИН ДЖЭ победно хлопнул себя по груди.

— Есть! Видели? Он всё-таки человек!

МИН ДЖЭ вновь рассмеялся.

Потом резко посмотрел на А ЧИ уже совсем иначе, серьёзно.

Иногда МИН ДЖЭ ловил себя на мысли, что до сих пор удивляется этому зрелищу.

Редкая улыбка А ЧИ каждый раз напоминала ему о мальчишке, которого он встретил много лет назад.

Тогда ему казалось, что этот странный, молчаливый парень вообще не умеет улыбаться.

— Знаешь... Если бы тогда ты не появился... Меня бы, наверное, уже не было.

— Не говори ерунды.

— Ну реально. Ты даже не представляешь, насколько изменил мою жизнь.

— Ты слишком много болтаешь. — произнёс А ЧИ...

МИН ДЖЭ только усмехнулся.

Он был шумным.

Слишком живым для этого мира.

И именно поэтому рядом с А ЧИ он звучал как что-то лишнее... и необходимое одновременно.

Но так было не всегда.

Перед глазами неожиданно всплыл тот день, который изменил всю его жизнь.

Ему было двенадцать.

Школьная форма была порвана, ноги дрожали, а трое хулиганов, громко смеялись, загнав его в переулок.

— Ты опять не принёс бабки?

Один из них толкнул его так сильно, что МИН ДЖЭ ударился спиной о бетонную стену.

В голове стало пусто и шумно одновременно.

И самое страшное — не боль.

А то, как быстро становится ясно: помощи ждать не откуда.

Он зажмурился, ожидая следующего удара.

Но вместо него вдруг наступила тишина.

— Эй. Пацаны, в троём на одного прёте? — спросил он.

Голос был спокойным.

Слишком спокойным.

МИН ДЖЭ открыл глаза.

Между ним и старшими стоял худой темноволосый мальчишка.

Руки были засунуты в карманы школьной формы, словно происходящее его совершенно не касалось.

— Идите домой, — сказал он.

Секунда тишины.

А потом — громкий смех.

Хулиганов это только позабавило.

Дальше последовал ещё один удар... который так и не случился.

Через минуту смеялись уже не они.

Домой они шли по узкой улице, освещённой редкими фонарями.

Никто не разговаривал.

С разбитыми костяшками.

С синяками, которые жгли сильнее, чем гордость.

И с каким-то странным ощущением, что день закончился неправильно... но честно.

МИН ДЖЭ украдкой посмотрел на мальчишку рядом.

Тот шёл так спокойно, словно драки вообще не было.

Словно разбитые кулаки были такой же привычной частью дня, как школьные уроки.

— Почему ты вообще вмешался? — наконец спросил МИН ДЖЭ.

А ЧИ пожал плечами.

— Трое на одного, не справедливо.

— Мы ведь даже не знакомы.

— Теперь знакомы.

Ответ прозвучал так буднично, будто ничего особенного действительно не произошло.

С того дня МИН ДЖЭ перестал быть “сам по себе”.

а А ЧИ — “один”.

Через несколько минут они остановились возле маленькой закусочной.

Над дверью лениво покачивалась старая вывеска.

Изнутри пахло жареным рисом, дешёвым раменом, спокойствием и чем-то странно домашним.

Живот МИН ДЖЭ предательски заурчал.

А ЧИ сделал вид, что не услышал.

Дверь открылась.

— МИН ДЖЭ!

За прилавком стоял высокий мужчина в фартуке.

На висках уже серебрилась седина, но улыбался он по-молодому тепло.

Увидев разбитую губу сына, он мгновенно перестал улыбаться.

— Опять?

МИН ДЖЭ виновато опустил голову.

Мужчина хотел что-то сказать, но его взгляд остановился на незнакомом мальчике рядом.

Тот стоял чуть позади, засунув руки в карманы.

Настороженный.

Готовый в любой момент уйти.

— Это твой друг?

МИН ДЖЭ замялся.

Потом неожиданно уверенно кивнул.

— Да.

Друг.

Он впервые произнёс это слово вслух.

И сам удивился, насколько правильно оно прозвучало.

Отец улыбнулся.

— Тогда чего стоите? Заходите.

Рамен уже почти готов.

А ЧИ покачал головой.

— Я не голоден.

Живот громко возразил.

МИН ДЖЭ прыснул со смеху.

— У моего рамена ещё никто не выигрывал.

Заходи.

А ЧИ прошёл за самый дальний столик, просто сел у стены и ничего не сказал.

Отец МИН ДЖЭ тогда спросил:

— Он всегда такой?

МИН ДЖЭ кивнул:

— Но он хороший.

Отец одобрительно кивнул.

— Тогда пусть приходит.

С этого вечера на кухне всегда ждала ещё одна тарелка... для того, кто стал и другом, и братом.

Возвращаясь домой тем вечером, А ЧИ впервые за долгое время чувствовал странное тепло.

Он так и не понял, было ли дело в горячем раёне...

Или в том, что кто-то впервые назвал его другом.

Когда он открыл дверь, ЁН ХИ уже ждала его.

— Сядь.

ЁН ХИ сидела на краю кровати, держа в руках пузырёк с антисептиком.

Запах лекарства давно смешался с запахом старого дерева и свежесваренного риса.

А ЧИ терпеть не мог этот запах.

Потому что он всегда появлялся после драк.

— Сядь.

Он молча сел рядом.

Она осторожно взяла его ладонь.

Костяшки снова были сбиты.

— Ты опять полез защищать кого-то?

— Да.

— Сколько это будет ещё продолжаться?

— Незнаю.

Она тяжело выдохнула.

— Ох и зачем я только отправила тебя в этот спорт.

— Чтобы я мог защитить себя... и других.

— Вот именно, защищаться, а не драться.

На лице А ЧИ промелькнула едва заметная улыбка.

— Сколько их было?

— Трое.

Она подняла голову.

— Что - о - о?

— Трое против одного. Пятеро против двоих. Да какая разница. Всё равно им досталось.

Она покачала головой...

— Я просто не люблю, когда не справедливо.

ЁН ХИ долго смотрела на него.

Потом тихонько коснулась его волос.

Совсем как в детстве.

— Ты слишком похож на свою мать...

Он сразу опустил взгляд.

И впервые за весь вечер ничего не ответил.

Бабушка тоже пожалела о сказанном.

В комнате повисла тишина.

Та, в которой живут воспоминания.

Она снова принялась обрабатывать его раны.

— Знаешь, чего я боюсь больше всего?

— Чего?

— Что однажды ты придёшь домой слишком поздно...

И я уже не смогу открыть тебе дверь.

Тогда он только усмехнулся.

Ему казалось, что впереди ещё слишком много времени, чтобы всерьёз бояться подобных слов.

Он ошибался.

...

Мысль оборвал знакомый скрип калитки.

А ЧИ моргнул.

Перед ним снова был его маленький дом, который прятался между старыми зданиями, словно давно смирился с тем, что однажды его тоже снесут.

На крыльце горел одинокий жёлтый фонарь.

А ЧИ поднялся по ступенькам и тихо открыл дверь, словно боялся разбудить весь мир.

На кухне горела лампа.

Перед телевизором, накрыв ноги пледом, сидела ЁН ХИ.

Экран был чёрным.

Пульт лежал рядом.

Она снова уснула...

Или сделала вид.

— Бабушка.

Один глаз тут же приоткрылся.

— Почему ты опять так поздно?

— Работал.

— Врёшь.

— Тогда катался.

— Это ещё хуже.

Он тяжело выдохнул.

— ЁН ХИ...

Она мгновенно нахмурилась.

— Не называй меня по имени.

Я для тебя бабушка.

Он снял куртку.

— Хорошо.

БА - А - А - БУ - У - УШКА.

— Вот теперь правильно.

Она поднялась и тихо, ворча себе под нос, направилась к плите.

— Молодые сейчас вообще не умеют вовремя приходить домой.

— Я уже дома.

— После полуночи — это не "дома".

Это "решил вспомнить, что у тебя есть бабушка".

Через несколько минут перед ним уже стояла большая тарелка горячего раёна.

А ЧИ посмотрел на неё.

— Ты опять не спала.

— Если бы ты приходил вовремя, я бы и спала вовремя.

Он знал, что пока не вернётся домой, она не сможет спокойно уснуть.

Поэтому молча взял палочки.

— Ешь.

— А ты?

— Я уже поела.

Он поднял взгляд.

Они оба знали, что это неправда.

Но спорить не стали.

— Ты похудел.

— Нет.

— Худой человек всегда говорит "нет".

Нормальный человек просит добавки.

Он посмотрел на тарелку.

— Здесь еды на троих.

— Значит, наконец-то поешь как человек.

Он покачал головой.

— Ты специально столько кладёшь.

— Конечно.

Мне же надо когда-нибудь женить тебя.

Он поперхнулся.

— Ну БА - А - А - БУШКА.

— Что "бабушка"?

— Я ещё молод.

— Именно.

В твоём возрасте дед уже бегал за мной.

— Он бегал, потому что ты убегала.

ЁН ХИ рассмеялась.

Тихо.

Совсем по-домашнему.

— Вот видишь.

Умеешь ведь шутить. Она погладила А ЧИ по макушке и расплылась в тёплой улыбке.

~ Иногда любовь звучит тише любых признаний.~

...

Позже он закрыл за собой дверь в ванной.

Тёплая вода смывала запах бензина и холодного ночного воздуха.

Он медленно стянул футболку.

На левом плече тянулась чёрная татуировка.

Под рёбрами белел старый шрам.

Память о драке, в которую он когда-то полез не ради себя.

На руках выступали тонкие белые полосы от старых ссадин.

Эти следы были честнее любых слов.

Он провёл ладонью по лицу и закрыл глаза.

В голове почему-то снова возникла девушка из университета.

Спокойный взгляд.

Идеальная осанка.

Голос, в котором раздражение звучало непривычно красиво.

"...А ты выглядишь так, будто у тебя слишком много выбора."

— ...СТРАННАЯ... —

Он даже не понял, почему вообще вспомнил её.

...

Ночью его разбудил кашель.

Тихий.

Но слишком долгий.

А ЧИ приоткрыл дверь комнаты.

ЁН ХИ уже сидела на кровати, прижимая ладонь к губам.

Увидев его, она сразу улыбнулась.

Так легко.

Так привычно.

— Разбудила?

— Что случилось?

— Простыла немного.

Она сказала это так спокойно, что любой другой поверил бы сразу.

А ЧИ молча кивнул.

Но внутри впервые появилось чувство, которого раньше не было.

Страх.

— Завтра куплю тебе лекарства.

— Не трать деньги.

Лучше отложи их.

На учёбу.

Он усмехнулся.

Без радости.

— Бабушка...

— Обещай.

Он ничего не ответил.

Потому что оба знали:

иногда молчание — единственное обещание, которое невозможно нарушить.

...

Утром город снова притворился правильным.

А ЧИ застегнул куртку, взял шлем и уже собирался выйти, когда телефон коротко завибрировал.

Регистратор автоматически сохранил запись вчерашней поездки.

Он машинально открыл файл.

На экране неожиданно появилась девушка.

Длинные тёмные волосы.

Белая рубашка.

Папка с документами, рассыпавшимися по асфальту.

Она подняла голову.

Камера успела поймать её взгляд.

Спокойный.

Но почему-то очень одинокий.

А ЧИ задержал палец над экраном.

Можно было удалить запись.

Он не удалил.

Лишь заблокировал телефон и тихо усмехнулся.

— ...СТРАННАЯ... —

В это самое утро, на другом конце города, КАН СО ЮН стояла у окна своей комнаты.

В руках она держала телефон.

И, как всегда, фотографировала небо.

Потому что только небо не принадлежало никому.

Тогда никто из них ещё не знал, что иногда самые важные встречи начинаются задолго до того, как люди понимают, что уже ищут друг друга.

Конец главы 2.